

В.А. Квашинин

Проблемы интерпретации закона Клавдия 218 г. до н.э. в современной историографии

Среди законов, изданных в Древнем Риме в III–II вв. до н.э., ни один не вызвал такого пристального внимания исследователей, как *lex Claudia de nave senatorum* (известный также как *Plebescitum Clavdianum*), принятый в 218 г. до н.э. Основным источником сведений о законе является небольшое сообщение Ливия, согласно которому принятый в консульство Гая Фламиния закон Клавдия запрещал сенаторам и их сыновьям владеть морскими кораблями грузоподъемностью свыше 300 амфор, т.е. около 7–8 т (*Liv.* 21.63.3–4). Некоторым дополнением к сведениям Ливия может служить речь Цицерона «Против Верреса» (*Ver.* 2.5.45). Несмотря на незначительный объем информации, донесенной до нас античными авторами, закон Клавдия породил обширную литературу. Ни один более или менее подробный обзор истории республиканского Рима не обходится без упоминания о нем. Связано это, в первую очередь, с тем, что *lex Claudia* имел конституирующее значение, определяя границы свободы экономической деятельности *ordo senatorum*. Этим объясняется и его долгая жизнь: будучи принят в 218 г. до н.э., закон Клавдия, по сведениям Цицерона, действовал в 70 г. до н.э., его условия были повторены в 59 г. до н.э. в *lex de repetundis* Цезаря, и он упоминается еще в III в. [1, p. 5]. Несмотря на явную скудость сведений об этом законе, он до сих пор вызывает оживленную дискуссию в историографии. Только перечень основных точек зрения по этому вопросу, обобщивший историографию вопроса, относящуюся к XIX – первой половине XX вв., занимает несколько страниц [2, p. 216–217]. Притом, что разброс мнений авторов очень велик, и выводы, к которым они приходят, порой диаметрально противоположны. По своей сути дискуссия сводится к вопросу о соотношении экономических, политических и социальных аспектов ситуации, подготовившей принятие закона.

Из сообщения Ливия заметно, что он акцентирует внимание на роли римского политика Гая Фламиния (консула 223 и 217, цензора 220 г. до н.э.) в принятии закона Клавдия, подчеркивая «антисенатский» характер его деятельности. Установка римского историка на подчеркивание роли Фламиния в принятии Клавдиева закона дала начало одной из линий историографии вопроса. Ряд исследователей (например, Ф. Кассола и Ц. Явец) указывают на определяющее значение социально-экономических факторов, вызвавших к жизни закон Клавдия, связывая его принятие с процессом

выделения внутри римской общины влиятельной группы, включавшей новые плебейские фамилии, которые сосредоточили в своих руках значительные средства в предыдущий период и, как следствие, с укреплением экономических позиций «новой знати», стремившейся к расширению своего влияния на итальянском и заморских рынках [3, p. 340–341; 2, p. 217]. Д. Кинаст также отмечает привентивный характер *lex Claudia*, оценивая его принятие как свидетельство существования довольно большого «несенатского», по выражению автора, слоя граждан, обладающих значительным состоянием [4, s. 139, ann. 21]. При этом, правда, остается неясным, был ли вызван закон стремлением патрицианской части сената исключить из состава курии представителей деловых и торговых кругов, составлявших «новую знать» (как полагал Ф. Кассола) или же, напротив, желанием плебейской верхушки отстранить от морской торговли конкурентов в лице сенаторов (Ц. Явец). Как отмечает Д. Д'Армс, такой взгляд допускает не только существование большой и влиятельной группы торговцев среди избирателей, но и то, что эти предполагаемые силы, «лоббировавшие» закон Клавдия, исходили исключительно из экономических, а не политических соображений, поскольку существовавшие легальные преграды эффективно блокировали таким лицам доступ в магистратуры и сенат. Следует согласиться со справедливой замечанием американского исследователя о том, что ощутимый недостаток сведений источников, подтверждающих эту версию, делает все построения такого рода, по крайней мере, рискованными [1, p. 32]. В связи с этим следует отметить, что в историографии существует влиятельное направление, отрицающее определяющее влияние экономических факторов на политику, проводившуюся римским сенатом. Так, В. Харрис указывает на то, что экономические устремления нобилитета были ограничены землей и военной добычей и не затрагивали торговлю либо какие-то иные источники обогащения [5, p. 56 f]. Известный специалист в области древнеримской экономики Ж. Андро также отмечает, что связи между сенаторами и торговцами не были столь устойчивыми и тесными, как это порой предполагается [6, p. 218 f].

Попытка связать принятие *lex Claudia* с деятельностью Гая Фламиния характерна и для исследователей, акцентирующих внимание на политическом факторе. Так, В. Кункель видит в законе Клавдия попытку со стороны Фламиния предотвратить все более

возрастающее расхождение интересов крестьянского сословия и сенатской аристократии [7, s. 612]. Схожий взгляд характерен для работ венгерской исследовательницы Н. Эль-Бехайри, рассматривающей *lex Claudia* в контексте «революционной» деятельности Гая Фламиния, которого она оценивает как одного из выдающихся демократических деятелей республиканского Рима [8, s. 61–63]. Однако, как было отмечено в литературе, сведения, сообщаемые Ливием, позволяют видеть в Гае Фламинии одновременно и выдающегося сенатора, носителя и защитника традиционных ценностей [1, p. 31]. С другой стороны, утверждение Ливия о том, что все сенаторы, за исключением Гая Фламиния, были против принятия закона, выглядит все же риторическим преувеличением [9, p. 301. not. 65]. Как замечает А. Липпольд, сенат все же одобрил закон, хотя вряд ли обошлось без резких выступлений в курии его противников, что и могло повлиять на изложение событий Ливием [10, s. 93–95]. Со своей стороны отметим, что текст Ливия не указывает на то, что именно Гай Фламиний был инициатором принятия *lex Claudia* – строго говоря, таковым был плебейский трибун 218 г. до н.э. Квинт Клавдий. Парадоксально, но автор закона Клавдия практически не привлек внимания исследователей, в отличие, скажем, от Гая Фламиния. Судя по его гентилицию, он был связан с фамилиями *gens Claudia*, и, в силу происхождения, прежде всего с плебейскими ветвями рода. Отсутствие любых подробностей о его личности у Ливия заставляет думать, что или римский историк ничего о нем не знал, или это была второстепенная фигура, сведений о которой не сохранилось. Возможен, правда, и третий вариант – Квинт Клавдий скрывается за кем-то из многочисленных Клавдиев, действовавших в Риме в период Ганнибаловой войны. В любом случае, не будет большой натяжкой предположение, что Квинт Клавдий приходился близким либо отдаленным родственником Марка Клавдия Марцелла, принадлежавшего к плебейской ветви Клавдиев. Таким образом, фигура Квинта Клавдия не столько приближает нас к Гаю Фламинию, сколько выводит на одного из самых известных полководцев Ганнибаловой войны, являвшегося самостоятельной фигурой на политической арене Рима [11, с. 37–49].

Многочисленные противоречия и неувязки, связанные с попыткой объяснить издание закона Клавдия теми или иными социально-экономическими факторами, привели довольно большую группу исследователей к мысли о том, что принятие *lex Claudia* не имело четко обозначенных политических либо экономических причин. Так, М. Крауфорд видел в законе Клавдия попытку общины придать нобилитету характер сословия земельной аристократии [12, p. 203. not. 28]. Т. Франк рассматривал плебесцит, в результате которого был принят закон, как часть более широкого выражения народом недовольства сенатом, выливше-

ся в намерение через закон Клавдия ограничить деятельность правящего класса строго определенными сферами общественной жизни: войной, политикой и законодательством [13, p. 74]. По мнению Ж. Андро, целью *lex Claudia* было сохранение определенного имущественного и социального облика сенаторского сословия [14, с. 221]. Следует отметить, что теоретически такая попытка могла иметь место. Как отмечают В. И. Кузищин и Е. М. Штаерман, труд в римской *civitas* рассматривался не столько как частное дело гражданина, сколько как отправление определенной общественной функции, что является следствием самого характера античной гражданской общины как «корпорации граждан в войне и труде на общую пользу» [15, с. 42]. Таким образом, часть исследователей в принятии закона Клавдия выделяет, прежде всего, идеологический аспект, что не исключает и иных мотивов, связанных с политикой и экономикой [16, s. 74–76].

На сегодняшний момент в историографии возобладала взвешенная точка зрения, не ставящая принятие закона в прямую зависимость от экономических и политических интересов отдельных групп и сообществ [17, p. 872 f]. Как отмечает Э. Грюэн, римские сенаторы были очень далеки от того, чтобы подчинять политику интересам деловых сообществ и часто сами вступали в конфликт с торговцами, ростовщиками и подрядчиками [9, p. 306]. По его мнению, каково бы ни было политическое значение этой меры, она показывает, по крайней мере, на то, что вне сената были лица, занятые морской торговлей в больших масштабах [9, p. 300–301]. При этом Э. Грюэн отвергает возможность как принятия закона под нажимом этих лиц, так и того, что в нем были заинтересованы сенаторы [9, p. 306–308]. Подобное ощущение некоего тупика характерно и для других работ, содержащих блестящие интерпретации и оценки отдельных аспектов проблемы. Так, Д.Д' Армс отмечает, что, поскольку часть римских сенаторов явно не была прямо вовлечена в морскую торговлю, не существовало необходимости ни в ограничительном законодательстве, ни в сенатской оппозиции закону. Закон, по его мнению, теряет свой смысл и в том случае, если не будет доказано строительство в Риме кораблей для коммерческих перевозок к моменту его принятия, а четких и недвусмысленных доказательств этого нет [1, p. 33].

Утверждение Ливия о том, что торговля признавалась безусловно позорной для сенаторов, было проанализировано в упоминавшейся работе Д.Д' Армса. Исследовав отношение в Риме к богатству и тому, из каких источников оно складывается, автор показал сложную и неоднозначную картину. Источники показывают как примеры презрительного отношения к торговле и торговцам, так и отношение к *mercatores* как лицам не только богатым, но и уважаемым [1, p. 20–31]. Само по себе богатство никогда не осужда-

лось в Риме, напротив, оно было важным признаком человека, занимающего высокое социальное положение. Можно предположить, что занятие сенаторов морской торговлей осуждалось в Риме как не соответствующее той общественной функции, которую играли «отцы» в общине. В то же время не осуждалась и получила широчайшее распространение практика проведения торговых операций через вольноотпущенников, клиентов, перегринов [18, р. 14]. Все это, казалось бы, позволяет прийти к выводу о том, что целью закона Клавдия было запрещение прямого участия сенаторов в торговле, с молчаливым предоставлением возможности заниматься ею через посредников. Однако обратим внимание на формулировку закона в передаче Ливия: **«ne quis senator cuius senator pater fuisset maritimam nauem... haberet (...чтобы никто из сенаторов или сыновей сенаторов не владел морским кораблем)»** (18, 63.3). Упоминание наряду с сенаторами их сыновей как не объясняется самим Ливием (для которого, правда, это могло быть настолько очевидным, что не требовало объяснения), так и не привлекает внимания современных исследователей. Скорее всего, упоминание сыновей было введено в текст закона для того, чтобы не допустить проведения сенаторами торговых либо иных операций через подвластных сыновей, которые находились под властью своих отцов. В таком случае запрет, наложенный на сыновей сенаторов, мог служить превентивной мерой, призванной закрыть самим сенаторам доступ к морским торговым операциям.

Следует согласиться с замечанием Д.Д' Армса о том, что нам очень мало известен специфический контекст введения запрета на владение морскими судами сенаторами и их сыновьями. Американский исследователь обратил внимание на то, что формулировка закона такова, что он не отстранял сенаторов от всех форм предпринимательства, а только от владения крупнотоннажными судами [1, р. 31]. В этой связи очень важным представляется время принятия *lex Claudia*. Введение в действие такого закона в условиях развертывающейся войны Рима с Карфагеном наводит на мысль о том, что между двумя этими событиями должна существовать определенная связь. На эту связь указывает и Т. Франк, полагавший, что в законе Клавдия отразилось, помимо прочего, и недовольство населения Рима сенатскими методами ведения войны с Ганнибалом [13, р. 74]. В свое время А. Пеллетье высказал смелую гипотезу, согласно которой введение закона Клавдия было продиктовано исключительно потребностью в увеличении римского флота для перевозки войск в начавшейся войне с Ганнибалом [19, р. 10–14]. Р. Ф. Вишня высказывает не менее оригинальную гипотезу, согласно которой Клавдиев закон относился к тем лицам, которые все еще владели судами из эскадры в 200 кораблей, построенных на частные деньги в 242 г. до н.э. во время Первой

Пунической войны [20, р. 30 f]. Действительно, война Рима с Карфагеном планировалась как связанная с крупными морскими операциями – переправкой войск в Испанию, Африку, Сицилию. Первоначальный римский план ведения войны предусматривал удар двумя консульскими армиями (Liv. 21.17.1; Polyb. 3.41.2–3). Только появление Ганнибала в Италии сорвало планы африканской экспедиции. Это определенно указывает на то, что перед римскими властями в начале войны стояла задача транспортировки по морю нескольких армий [21, с. 140]. Для реализации первоначального плана ведения войны требовалось перевезти по морю примерно 50600 человек, для чего консулам был выделен флот в 240 кораблей [11, с. 19]. Для передвижения всей этой массы войск требовалось огромное количество не только военных, но и вспомогательных судов, что говорит в пользу предположения А. Пеллетье. Как было отмечено, в римской военной истории вопросы транспортировки и транспортных кораблей традиционно опускаются источниками, как несущественная деталь [21, с. 140]. При этом, однако, следует учесть, что в античный период даже крупная десантная операция не требовала большого числа военных кораблей, поскольку они не были приспособлены к перевозке значительного числа солдат. Максимум того, что могла принять на свой борт средняя квинкверема, было 150–200 человек сверх экипажа из 450 моряков [21, с. 468–473]. Военные корабли были нужны, в первую очередь, для охраны транспортных и грузовых судов, перевозящих солдат и их снаряжение, продовольствие, а также военную технику. Насколько можно судить по описанию Ливия, десантная операция Сципиона Африканского осуществлялась именно таким образом: 20 судов с правого фланга и еще 20 с левого сопровождали колонну транспортных и грузовых кораблей (Liv. 29.25.10).

В то же время простейшие расчеты показывают, что флот, состоящий из 240 квинкверем, мог перевезти до 48000 человек, что, в общем-то, незначительно расходится с той цифрой в 50600 человек, которую сообщают античные авторы. Казалось бы, это опровергает все построения современных исследователей, если только мы не обратим внимания на такой аспект, как проблема снабжения армии продовольствием и снаряжением. Если исходить из сообщения Полибия о нормах продовольственного снабжения в римской армии, то легионер в среднем получал в месяц 4,25 модия пшеницы (6.39.13–14). Следовательно, для снабжения в 218 г. до н.э. армии в течение месяца необходимо было подготовить и перевезти около 230000 модиев (более 2000000 кг) пшеницы. Кроме того, на каждого всадника полагалось в месяц на прокорм коня 42 модия (около 367 кг) ячменя для римских граждан и 30 модиев (около 262 кг) ячменя для союзников. В консульских армиях насчитывалось 4600 всадников (1200 – римские граждане, 3400 – союзники), для

обеспечения которых требовалось около 150000 модиев (более 1300000 кг) ячменя. Однако в том случае, если бы африканская и испанская экспедиции заняли бы по времени три месяца, для снабжения армии требовалось бы уже 690000 модиев (более 6000000 кг) пшеницы и 450000 модиев (более 3900000 кг) ячменя. Проблемы, возникающие в связи с необходимостью перевозки такого количества зерна, показывают исследования Д. Рикмана. Он выделяет, по крайней мере, три этапа в процессе транспортировки зерна из провинций: сбор и хранение в портах на территории провинций – перевозка на судах через открытое море – перегрузка на баржи и доставка к месту назначения. Хотя данные, приводимые исследователем, относятся к периоду Поздней Империи, они позволяют получить некоторое представление о масштабах задач, возникающих в процессе организации продовольственного снабжения. Д. Рикман берет в качестве примера Африку, дававшую Риму до 27000000 модиев пшеницы в год в конце I в. до н.э. Перевозка зерна по суше осуществлялась на четырехколесных повозках, запряженных двумя парами волов, принадлежавших местным землевладельцам, но содержавшихся на общественный счет. Повозка стандартного размера вмещала от 50 до 75 модиев пшеницы, передвигаясь со скоростью 2 мили (около 3 км) в час. На главных дорогах была создана система станций, где можно было сменить тягловых животных и переночевать. Низкая вместимость повозок приводила к тому, что для переброски всего предназначавшегося для Рима зерна в африканские порты требовалось огромное их количество, до сотни тысяч единиц, не говоря уже о транспортных судах [22, р. 264–265].

Следует отметить, что в свое время на проблему снабжения армии продовольствием обратил внимание Э. Бэдиан. Он подверг критическому анализу концепцию Т. Франка, согласно которой со времен Ганнибаловой войны поставками зерна и организацией транспорта для этих поставок занимались магистраты [13, р. 149]. По его мнению, снабжением армии продовольствием и амуницией занимались коллегии публиканов, специализировавшиеся на такого рода деятельности. Э. Бэдиан справедливо указывает на во многом примитивный характер организации государственной власти в Риме. В частности, он обратил внимание на то, что римское государство не могло самостоятельно справиться с решением двух главных задач: продовольственного снабжения (для религиозных обрядов, армии, публичных работ) и сбора налогов. Закупаемое продовольствие оплачивалось за счет получаемых налогов, однако их сбор также требовал немалых затрат. Решение этих тесно связанных друг с другом задач было связано с деятельностью частных лиц, бравших государственные подряды – публиканов. Таким образом, только публиканы, и никто другой, могли решить задачу снабжения армии [23, р. 15]. Де-

тально исследовавший проблему продовольственного снабжения Рима Д. Рикман менее категоричен. Он отмечает почти полное отсутствие сведений о сборе и хранении зерна в Сицилии и Сардинии, указывая на необходимость дальнейшего исследования механизма перемещения зерна из провинций в метрополию [22, р. 264]. Соглашаясь с большинством положений, высказанных Э. Бэдианом, следует все же отметить некоторые моменты. Прежде всего, это отсутствие данных о системе снабжения армии в первые годы войны. Первые упоминания о деятельности публиканов в это время приходится на 215–214 гг. до н.э. С другой стороны, организация продовольственного снабжения Рима, как и решение непосредственных финансовых проблем армии, были традиционной обязанностью квесторов. Признает Э. Бэдиан и наличие механизма сбора и транспортировки зерна, возникшего в результате эксплуатации первых провинций. Главным препятствием в работе магистратов, по его мнению, было отсутствие у них достаточного количества судов, необходимых для транспортировки продовольствия [23, р. 28]. Между тем, как показывают источники, каким-то количеством судов римские магистраты обладали [11, с. 24, прим. 98]. Если внести предложенные нами коррективы в высказанную А. Пеллетье точку зрения на мотивы принятия закона Клавдия, легко объяснить, откуда римские власти могли взять необходимое число кораблей. С другой стороны, нет необходимости оспаривать главный тезис, выдвигаемый Э. Бэдианом. То, что именно публиканы взяли на себя организацию поставок в армию, компенсируя тем отсутствие развитого бюрократического аппарата и горизонтальных структур государственной власти, не вызывает сомнений. Проблема заключается в том, в какой именно период времени деятельность публиканов по снабжению армии обретает характер системы. Экстраординарные меры властей периода Ганнибаловой войны не могли обрести характер постоянных, поскольку вступали в противоречие с гражданским характером римского государства. Оправдать их возобновление в условиях мирного времени было бы чрезвычайно трудно. Поэтому, скорее всего, публиканы начинают занимать и осваивать все более расширяющийся рынок военных поставок в последние годы Ганнибаловой и последовавшие практически без перерыва за ней первые десятилетия восточных войн.

Подводя итог, следует отметить, что интерпретация закона Клавдия и объяснение причин его принятия являются крайне сложной задачей для исследователя. В первую очередь, это связано с минимумом информации как о самом законе, так и о тех социальных, политических и экономических условиях, в которых он принимался. С другой стороны, крайняя скудость сведений о *lex Claudia* благоприятствует появлению большого числа гипотез и концепций, противоречащих друг другу и только еще более затемняющих картину

событий и запутывающих исследователя. Связано это и с тем, что принятие закона Клавдия было событием, в котором тесно и порой неразрывно переплелись моменты идеологические, социально-экономические и политические. Слабым местом многих работ, посвященных закону Клавдия, является то, что на первый план ставится один из аспектов проблемы в ущерб другим, причем часто без учета той конк-

ретно-исторической ситуации, в которой был принят закон. Таким образом, восстановление контекста принятия *lex Claudia* является первоочередной и главной задачей исследователя. На наш взгляд, наиболее плодотворным является рассмотрение закона Клавдия в контексте первых лет Ганнибаловой войны с учетом тех социальных изменений, которые имели место в римской общине в III в. до н.э.

Библиографический список

1. D'Arms J. *Commerce and Social Standing in Ancient Rome*. Cambr. (Mass.). – L., 1981.
2. Cássola F. *I gruppi politici romani nel III secolo a. C.* – Trieste, 1962.
3. Yavetz Z. *The Policy of C. Flaminius and the Plebescitum Clavianum* // *Athenaeum*. – 1962. – Vol. 40.
4. Kienast D. *Cato der Zensor: Seine Persönlichkeit und seine Zeit.* – Darmstadt, 1979.
5. Harris W. *War and Imperialism in Republican Rome, 327-70 B. C.* – Oxford, 1979.
6. Andreau J. *Les commerçants, l'élite et la politique romaine à la fin de la République (IIIe-Ier siècles av. J.-C.)* // *Mercanti e politica nel mondo antico* / Ed. C. Zaccagnini. – Roma, 2004.
7. Kunkel W. *Staatsordnung und Staatspraxis der römischen Republik.* – München, 1995.
8. El Beheiri N. *Die lex Claudia de nave senatorum* // *Revue Internationale des Droits de l'Antiquite.* – 2001. – Т. 48.
9. Gruen E. S. *The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. I.* Berkeley – L.A. – L., 1984.
10. Lippold A. *Consules. Untersuchungen zur Geschichte des römischen Konsulates von 264 bis 201 v. Chr.* – Bonn, 1963.
11. Квашнин В.А. *Законы о роскоши в древнем Риме эпохи Пунических войн* / В.А. Квашнин. – Вологда, 2006.
12. Crawford M.H. *The Early Roman Economy, 753–280 B.C.* // *L'Italie preromaine et la Rome republicaine. Melanges offerts a J. Heurgon.* – Roma, 1976.
13. Frank T. *An Economic Survey of Ancient Rome.* – Baltimore, 1933.
14. Ляпустина Е.В. Конференция по древней экономике (Сен-Бертран-де-Комменж, 6–7 мая 1994 г.) / Е.В. Ляпустина // *Вестник древней истории.* – 1995. – №2.
15. Кузищин В.И. Экономика и политика в античном обществе / В.И. Кузищин, Е.М. Штаерман // *Вопросы истории.* – 1989. – №8.
16. El Beheiri N. *Die römische Zensur – ein entwicklungsgeschichtlicher Abriss* // *Acta Ant. Hung.* – 2004. – Vol. 44.
17. Nicolet C. *Économie, société et institutions au II-e siècle av. J.-C.: de la lex Claudia à l'ager exceptus* // *Annales.* – 1980. – Т. 5.
18. Scullard H. *Roman Politics, 220-150 B. C.* – Oxford, 1951.
19. Pelletier A. *A propos de la lex Claudia de 218 av. J.C.* // *Rivista di studi liguri.* – Anno XXXV. – №1–3.
20. Vishnia R. F. *State, Society and Popular Leaders in Mid-Republican Rome, 241-167 B.C.* – L., 1996.
21. Хлевов А.А. *Морские войны Рима* / А.А. Хлевов. – СПб., 2005.
22. Rickman G.E. *The Grain Trade under the Roman Empire* // *The Seaborne Commerce of Ancient Rome: Studies in Archaeology and History* / Ed. by J. D'Arms and E. Kopff. – Rome, 1980.
23. Badian E. *Publicans and Sinners: Private Enterprise in the Service of the Roman Republic.* – Dunebin, 1972.